

творении позволяет нам выделить в сборнике «Жертвы ларам», наряду с обозначенными самим автором циклами («Vigilien», «Равви Лев», «Из 30-летней войны» и т.д.), несколько микроциклов, часть из которых была проанализирована в нашей работе. Явление «скрытых» микроциклов подтверждает присущую Рильке склонность к циклизации как способу более целостного и полного освоения действительности.

Образ Праги организует не только пространство сборника, но и его время, поскольку здесь время и пространство неотделимы друг от друга. Отсюда и специфическая образность сборника «Жертвы ларам», где преобладают архитектурные детали (предметы интерьера, здания), что обуславливает особую уплотненность материального «вещного» мира в «Жертвах ларам». Главное действующее лицо здесь – сама Прага.

В значительной степени ученический, сборник «Жертвы ларам» можно назвать своего рода творческой лабораторией, где Рильке отрабатывает свою – в будущем блес-

тящую – технику стиха (звукопись и музыкальность стиха), нащупывает приемы построения композиционно-выверенного целого своих последующих сборников-циклов (техника стихотворного цикла), осваивает темы, которые станут важными для него в зрелой поэзии (славянская тема).

Примечания

¹ Витковский Е. Райнер. Мария. Орфей // Рильке Р.М. Собр. соч.: В 3 т. Харьков; М., 1999. Т.2. С.5.

² Музиль Р. Речь на Рильковских торжествах. Берлин, 1927. Цит. по: Хольтхузен Г.Э. Райнер Мария Рильке, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. Челябинск, 1998. С.261.

³ Здесь и далее стихотворения Р. Рильке цитируются по изданию: *Rilke R.M. Sämtliche Werke: In 6 Bd. Frankfurt am Main, 1955. Bd. 1* (с указанием страниц в круглых скобках).

⁴ Рудницкий М.Л. Лирика Р.М. Рильке 1890–1910-х гг. К проблеме становления поэтического стиля: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. С.9.

⁵ Березина А.Г. Поэзия и проза молодого Рильке. Л., 1985. С.18.

⁶ Demetz P. Rene Rilkes Prager Jahre. Duesseldorf, 1953. S.109.

УДК 821.111(73).09

ОБРАЗ НОВОГО СВЕТА: У ИСТОКОВ АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е.В. Староверова

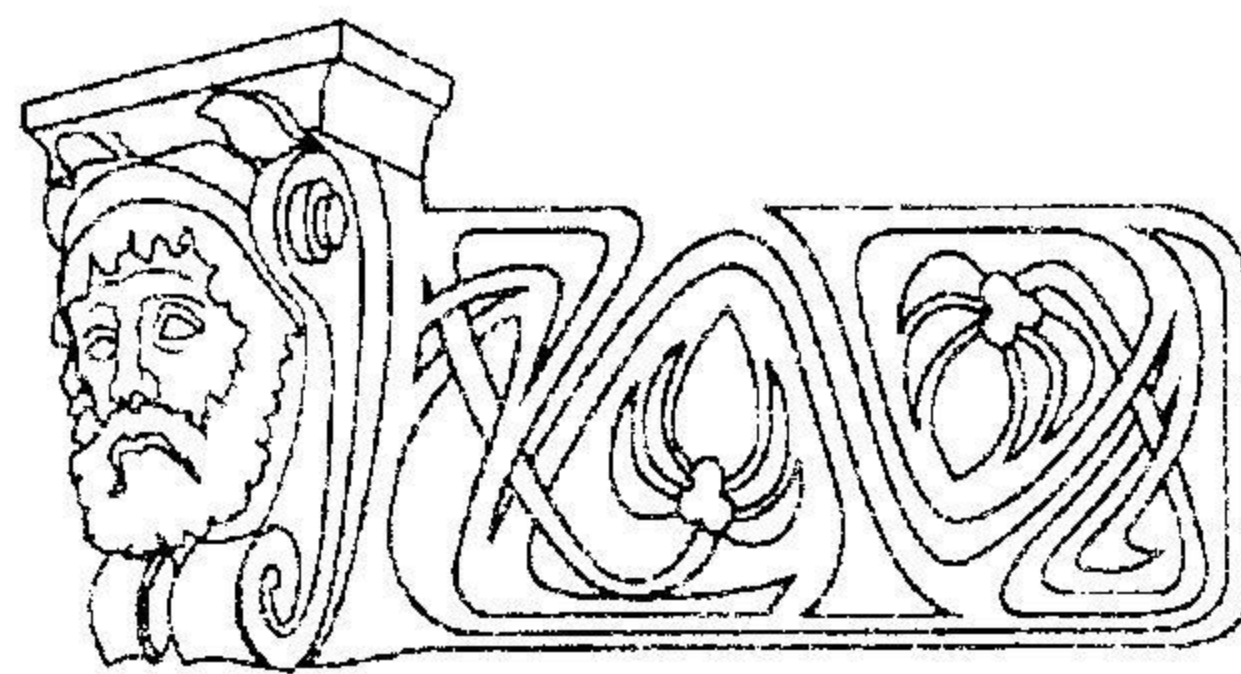
Саратовский государственный университет,
кафедра зарубежной литературы и журналистики
E-mail: Philology@sgu.ru

Ранний период американской литературы начинается с захватывающих описаний Нового Света Христофора Колумба, Америго Веспуччи и др. Первое произведение, написанное в Америке, – выполненный капитаном Джоном Смитом завораживающий доклад о первых годах жизни в колонии в штате Вирджиния и его отношениях с аборигенами. Эти произведения позволяют определить важнейшие культурные силы, формировавшие американскую литературную традицию. По данной причине они являются наиболее всесторонними и надежными источниками для проникновения в глубины американской литературы.

The Image of America in the Literature of the New World

E.V. Staroverova

The earliest period of American literature opens with a compelling presettlement writing about the New World (by Christopher Columbus, Amerigo Vespucci, etc.). The first narrative written in America is Captain John Smith's engaging account of the early years of the Virginia colony and his own contacts with the Natives. These writings help to map out the important cultural forces that have shaped America's literary tradition and thus they are the most comprehensive and reliable introduction to the depth and diversity of the US literature.

В известном смысле «Америка» возникла в сознании людей задолго до того, как был открыт американский континент. Идея существования загадочной земли на краю света, полной невиданных чудес, несметных сокровищ и неисчерпаемых возможностей, будоражила умы рабсодов, историков и философов античной Греции, поэтов и учёных-богословов средневековой Европы, гуманистов и мореплавателей эпохи Возрождения. Неведомая страна представляла то Атлантидой, то Аркадией, Авалоном или Раем Земным.

Реальная Америка, увиденная путешественниками XV–XVI столетий, казалось, вполне отвечала этим представлениям: «Я обнаружил, что тамошний климат <...> очень мягок, земля и деревья очень зелены и

прекрасны, как сады Валенсии в апреле. Люди там превосходно сложены и отличаются от прочих, коих я видел в Индиях, более светлой кожей. Волосы у них очень длинные и гладкие. Народ этот умён, умел и небоязлив <...>. Всё это происходит оттого, что эта земля расположена выше всех других в мире и ближе всех к небу <...>. Я абсолютно убеждён <...>, что Земной Рай находится именно там»¹, – писал Христофор Колумб в 1498 г. в отчёте о своём третьем путешествии (здесь и далее перевод с английского наш. – Е.С.).

Колумб не вдаётся в подробности быта и нравов обитателей Эдема; вероятно, ему достаточно сказанного об этом в Книге Бытия; того же, что не укладывается в его концепцию, он сознательно или бессознательно избегает. Данный пробел, однако, уже в 1502 г. с лихвой восполняет детальная зарисовка Америго Веспуччи, практически лишённая ретуши: «Мы обнаружили, что вся земля населена людьми, совершенно обнажёнными, <...> ничем не прикрывающими своего срама. Их тела замечательно пропорциональны, они белокожи, черноволосы, со скудной растительностью на лице. <...> У них нет законов или веры, они живут в согласии с природой. Они не слышали о бессмертии души, они не знают частной собственности, поскольку всё у них общее, у них нет границ между государствами <...> и нет государя! Они никому не подвластны, каждый господин сам себе <...>. Их пища – корни трав и всяческие съедобные плоды, разнообразнейшая рыба, крабы, устрицы, омары. <...> Следует сказать, что мясо, которое они едят, – это, в основном, человеческая плоть. Когда им удаётся раздобыть мясо животных или птиц, они едят и его, но специально они не охотятся»².

Колумб и Веспуччи оказались не только первооткрывателями Америки, но и зачинателями обширной литературы об Америке, литературы путешествий и исследований, которая возникла из столкновения европейского ренессансного мышления с новой удивительной землёй на Западе. Эта литература написана на разных европейских языках и представлена судовыми журналами, отчётами императорам и епископам, личными дневниками и письмами домой, рассказами о

чудесах и приключениях и т.д. Документ здесь очень близко соприкоснулся с художественной прозой, поскольку на глазах читателей точный и беспристрастный отчёт перерастает в миф, как в случае с Колумбом, или же в пастораль. Так, соотечественник Веспуччи, Джованни да Верразано, разведывавший в 1524 г. атлантическое побережье Северной Америки, называет полуостров Аскомак «Аркадией» – до того прекрасна эта земля и приветливы её обитатели. В «Экюгах» римского поэта Вергилия одна из областей Древней Греции – Аркадия – предстаёт чарующим краем, где люди живут просто и беспечально на лоне дивной природы. В эпоху Возрождения название «Аркадия» стало нарицательным для обозначения блаженной страны вечного счастья. О том, насколько условным было подобное восприятие Нового Света, свидетельствует страшная гибель Верразано в 1528 г. от рук каннибалов Южной Америки.

Со временем некоторое ретуширование изображения становится своего рода традицией литературы о Новом Свете: авторы придают идилличность американскому пейзажу, акцентируют физическое совершенство аборигенов, нагота которых ассоциируется с безмятежной невинностью человека до грехопадения. «Народ здесь исключительно мягок, дружелюбен, неспособен к предательству и живёт как будто в Золотом веке. Земля в избытке производит всё, что угодно, как в первые дни творения, и не требует возделывания и труда»⁴, – читаем в отчёте англичанина Артура Барлоу об экспедиции в Северную Каролину (1585 г.).

Образ Нового Света как Аркадии или, чаще, как Эдемского сада (Земного Рая), где природа изобильна и первозданна, а человек прекрасен и не тронут пороками цивилизации, сформирован не столько американскими реалиями, сколько ренессансными представлениями. Новый Свет символизировал для европейцев свободу от забот и трудов, возврат к невинности и вечной жизни, к Золотому веку. Для многих, впрочем, он означал и настоящее золото, от которого, якобы, ломались сокровищницы индейских королей.

Уверения о наличии в Новом Свете драгоценных металлов, обещания привезти из

очередной экспедиции золото, а не только разноцветных птиц и голых дикарей то и дело прорываются в отчётах путешественников монархам. Верразано даже называет эту обширную землю «препятствием» на пути к сказочным богатствам. Собственно, первые попытки исследователей проникнуть в глубь материка были стимулированы именно поисками золота, а не научными интересами.

В ходе освоения пространства Северной Америки выяснилось, что, в отличие от береговой линии, её глухие бескрайние леса, населённые дикими воинственными племенами, уже никак не соответствуют условному идиллическому образу «Аркадии» или «Эдема». Так, Верразано, чуть продвинувшись с побережья, нашёл тамошние чащобы «излишне плотными», а их обитателей «чересчур дикими».

Постепенно начинает формироваться альтернативный и поначалу вовсе не условный образ Нового Света, который со временем вытеснит прежний, – образ североамериканских «дебрей», где обитают «краснокожие дикари», представляющие постоянную угрозу. Чтобы выжить в джунглях, от белого человека требуются незаурядная выносливость, сила духа и находчивость, о чём особенно ярко свидетельствует «Повествование Альвара Нуньеса Кабецы де Вака» (1542) – история четверых путешественников, в течение восьми лет пробиравшихся через территорию нынешнего Техаса. Впрочем, к концу XVIII столетия понятия «глушь» и «дэбри» приобрели отчетливо положительное значение, а ко времени Купера и Торо (XIX в.) картина «дикой природы» повсеместно стала наиболее частотным в литературе идеальным образом Америки.

Сочинения первых исследователей материка предстают ныне своего рода «предысторией» американской словесности – и не только потому, что во многом именно они привлекали людей в Новый Свет и тем самым в какой-то степени способствовали формированию американского государства, но и потому, что сами по себе они небезотносительны к литературе Северной Америки. Можно сказать, что литература этой страны органично вырастает из литературы об этой

стране, литературы путешествий и открытий, и на первых порах существует параллельно с ней и в тех же формах, не случайно признается достаточно трудным отграничить одну от другой. Отдельные же черты «литературы открытий», пройдя через фильтр времени и специфики жизни в Новом Свете и несколько видоизменившись, формируют традиции, которые остаются в литературе США вплоть до XX века.

Даже наиболее существенное свойство американской словесности – острое чувство новизны, восторг разомкнутых пространств, неутомимый дух первооткрывательства – уходит корнями в «литературу путешествий», хотя, разумеется, оно постоянно подкреплялось особенностями географии и истории страны. Характерный для литературы о Новом Свете органический сплав документа и художественного вымысла становится своеобразной приметой творчества писателей-американцев от капитана Джона Смита (начало XVII в.) до Тома Вулфа (XX в.).

«Литература путешествий» обогатила американскую словесность целым рядом тем, сюжетов и образов. Так, тема открытия новых материков отзывается в романе Г. Мелвилла «Марди» (1848), а образ первозданной природы и примитивной невинности аборигенов – в его же «Тайпи» (1846) и «Ому» (1848), в знаменитой пенталогии о Кожаном Чулке его современника Дж. Фенимора Купера. Тема выживания белого человека в джунглях Северной Америки вообще оказывается едва ли не центральной в классической и популярной литературе США, образ же бесстрашного, мужественного и находчивого героя-первопроходца становится одним из воплощений национального характера (Натти Бампо у Фенимора Купера). Итак, как мы видим, сочинения о Новом Свете отчасти помогают понять своеобразие американской словесности.

Когда же начинается собственно литература Нового Света?

В какой момент в общем контексте европейской «литературы путешествий» обозначается исток того, что позднее претворится в неповторимо самобытную и новаторскую литературу США?

Современный критик замечает: «В тот момент, когда европеец посмотрел в глаза индейцу, он стал американцем»⁵, – именно посмотрел в глаза, а не просто подивился его диковинному облику, как и всем курьезам этого нового материка. Очевидно, и литература Нового Света возникает тогда, когда белые люди с их потребностью в словесном самовыражении приходят на американскую землю уже не только чтобы исследовать и завоевать ее, но чтобы обжить и освоить то, что они считали «девственным континентом» или же «Землей Обетованной», т.е. когда в Америке появляются постоянные поселения, основанные, как известно, выходцами из Англии.

Соответственно определяющими отличиями ранней литературы Нового Света следует считать то, что она, во-первых, написана в Америке людьми, которые по каким-либо причинам избрали эту страну местом жительства, и, во-вторых, то, что она англоязычна. В остальном же поначалу сходство с литературой-«предшественницей» весьма велико: ранняя американская словесность – тоже литература открытий, и использует она практически те же жанры – отчеты монархам, духовным князьям или финансовым компаниям о разведывании новых областей Америки, о ходе колонизации и миссионерской деятельности, личные дневники и письма; лишь судовой журнал вытесняется хроникой жизни поселения.

Естественно, по мере знакомства колонистов с американскими условиями эти сочинения обретают все большую точность, детальность, все полнее воспроизводят реальный опыт. Восторги мореплавателей по поводу чудес Нового Света сменяются подробными географическими, топографическими, природоведческими и социологическими наблюдениями.

Эпоха обживания Северной Америки выходцами из старого Света наступает в следующем веке, хотя отдельные попытки создания постоянных поселений предпринимались с конца XVI столетия. Они, однако, были более удачными для испанцев и французов, чем для англичан. Так, хорошо снаряженная группа английских колонистов, вклю-

чавшая женщин и детей, была высажена в Северной Каролине в 1587 («потерянная колония») и таинственно исчезла к 1590 г. В 1607 г. на территории нынешних США, в Виргинии, было основано первое английское поселение Джеймстаун. Мотивы, побуждавшие эмигрантов бросать насиженные места и плыть за тридевять земель, были различными, но главный оставался прежним – слава и золото. Многие из поселенцев, впрочем, скоро поняли, что подлинное сокровище Нового Света заключалось не в золотых слитках, а в природных ресурсах: табаке, мехах, рыбе и т.д. Сама американская земля – то, что она производила, и то, что можно было на ней вырастить, – обещала стать источником богатства.

Капитан Джон Смит (1580–1631) – автор первой книги, написанной в Америке, и личность, задолго до формирования нации явившая то, что теперь определяется как национальный американский характер. Джон Смит с его непоколебимой верой в гражданственную и даже божественную миссию освоения необжитых пространств материка, с его отношением к трудностям, в преодолении которых он видел основу духовного возрождения, с его убежденностью в неограниченных силах и способностях простого человека, был подлинным капитаном своей судьбы.

Сын английского фермера среднего достатка, он рано осиротел и успел получить лишь самое необходимое школьное образование. В пятнадцатилетнем возрасте Смит записался в солдаты и отправился воевать в Нидерланды. Превратности воинской жизни перебрасывали его из края в край. Германия, Испания, Австрия, Трансильвания, Румыния, Россия, Турция, Северная Африка – такова география его перемещений.

Смит завершил свою военную карьеру двадцатипятилетним командиром полка, успев к этому времени послужить в австрийской армии, спасавшей христианский мир от турков, проявить чудеса личной храбрости, получить смертельное ранение в бою и выжить, попасть в плен, быть проданным в рабство и бежать. Все, пережитое им тогда и после, он подытожил в краткой автобиографии «Истинные путешествия, приключения и на-

блюдения капитана Джона Смита» (1630). В Англии его ожидали почет и слава, но Смит не пожелал почивать на лаврах.

Жажда приключений заставила его в 1607 г. отплыть в Северную Америку с партией колонистов, основавших затем в Виргинии Джеймстаун. Эмоциональная и красочная хроника этого предприятия, опубликованная Смитом в 1608 г. под названием «Правдивое описание Виргинии», и стала истоком американской литературы.

Смит, однако, был не только летописцем колонии. Он разведывал самые дальние окрестности Джеймстауна, что в те времена было небезопасно. Опытный командир, знавший о необходимости железной дисциплины в делах подобного рода, он почти в одиночку пытался сплотить ту разношерстную группу неорганизованных, неумелых и часто недовольных людей, какую представляли собой виргинские первопоселенцы. Он же с риском для жизни налаживал дипломатические и торговые отношения с индейскими племенами, земли которых заняли колонисты. В признание его заслуг, Смит был избран президентом Совета Виргинии.

Вынужденный через год после этого, осенью 1609-го, уехать в Англию для поправки здоровья, он при первой же возможности вернулся в Новый Свет, приняв в 1614 г. предложение Виргинской компании возглавить экспедицию по исследованию атлантического побережья Америки в северном направлении. Именно капитан Джон Смит нарёк эти места «Новой Англией» и до 1617 г. изучал их и картографировал. В книге «Описание Новой Англии» (1616) он подробно рассматривал особенности местного рельефа, климата, растительности, взвешивал перспективы рыбного промысла, земледелия и ведения хозяйства, всячески ратовал за колонизацию этого края.

«Что может быть честнее и почётнее, чем открывать неизвестное: возводить города, заселять страны, просвещать невежественных, исправлять неправоту, наставлять в добродетели и в итоге завоевать для нашей родины новое королевство, которое наследует её славу!»⁵, – писал он. Возможно, из-за вдохновенного призыва адмирала Новой Англии – таков был теперь титул Джона

Смита – «отцы-пилигримы» осели в Плимуте, предпочтя его уже обжитой соотечественниками Виргинии. Последние десять лет жизни Смита особенно продуктивны в литературном отношении. Главные темы его сочинений: мореходство и Америка – её природа и её колонизация.

Среди многочисленных книг об Америке, оставленных нам капитаном Джоном Смитом, одна выделяется полнотой охвата материала, выраженным беллетристическим элементом и, главное, – тем длительным и широким резонансом, который она имела в литературе и культуре США. Это «Общая история Виргинии и Новой Англии» (1624). Здесь образ Америки складывается из скрупулёзного и вместе с тем масштабного описания двух различных регионов и потому предстаёт многоплановым, убедительным как жизненно, так и поэтически. Смит новаторски развивает весьма распространённую в «литературе путешествий» мысль о природном богатстве и несметных сокровищах континента: изобильна не только Виргиния, чья земля щедра и плодородна, но и Новая Англия с её водами, обильными рыбой, живой серебряный блеск которой ценнее мерцания призрачного золота Нового Света.

При этом Смит постоянно подчёркивает, что богатство ресурсов страны не исключает, а, напротив, требует приложения человеческих усилий. Но если возделывание виргинских плантаций связано с тяжёлой работой, то в Новой Англии «не так уж трудно вытянуть из воды два пенса, шесть пенсов и двенадцать пенсов, едва лишь забросив удочку»⁶, – пишет автор и особенно поощряет «молодые семьи, живущие в стеснённых условиях, и тринадцати-четырнадцатилетних подростков из сиротских приютов»⁷ попытать счастья в Америке. Первым поняв истинные возможности, которые даёт Новый Свет, Смит развенчивает, как и в других своих книгах, мечту о золотых приисках и выдвигает поистине революционную тогда идею неперемного здесь обращения труда в благосостояние.

Под пером капитана Джона Смита образ Америки впервые приобретает те очертания, в которых будет существовать в дальнейшем: открытое пространство, где каждый человек,

независимо от его социального статуса, имущественного и образовательного ценза, одним лишь трудом и добродетелью может добиться счастья, независимости, определённого общественного положения, может состояться как личность. Вклад литератора Джона Смита в дело «открытия Америки» явно превышает его немалую, впрочем, роль исследователя Нового Света.

Один из эпизодов книги имеет самостоятельное значение как исток беллетристической линии в американской литературе. Это изложенная во второй главе третьей части история спасения Смита от неминуемой смерти влюбившейся в него дочерью Великого индейского вождя Паухатана добродетельной принцессой Покахонтас. Данное событие широко известно ныне благодаря мультипликационному фильму студии Уолта Диснея. Авторская версия обстоятельств, однако, несколько отличается от позднейшей переработки, как, впрочем, и реальные обстоятельства отличались от изложенных Смитом.

Ещё во времена основания Джеймстауна капитан Смит, который периодически совершал исследовательские вылазки в глубь материка, был однажды взят в плен отрядом из двухсот вооружённых до зубов «дикарей» и доставлен к их вождю Паухатану. Не убитый ни на месте, ни позднее лишь потому, что он проявил немалое самообладание и находчивость, он был препровождён в индейскую деревню с почестями и встречен вождём «радушно». Его поселили в отдельной хижине под охраной из тридцати–сорока «дикарей»; еды, которой ему приносили ежедневно, было «достаточно, чтобы насытилось двадцать человек». Постепенно первоначальные надежды Смита на благополучный исход сменились страшным подозрением: его откармливали на убой. «Шесть или семь недель эти варвары держали его в плену»⁸, – пишет Смит (на деле он отсутствовал в Джеймстауне приблизительно три недели – с 16 декабря 1607 по 8 января 1608 г.).

Наконец, наступил кульминационный момент: «Паухатан и его свита облачились в свои лучшие одежды. В роскошной мантии, сшитой из енотовых шкур, хвосты которых свободно свисали наружу, он воссел перед

огнем на сиденье, наподобие ложа. По обе руки его сидело по молодой особе семнадцати или восемнадцати лет от роду, а с каждой стороны помещения – по два ряда мужчин и сзади них столько же женщин; головы и плечи у всех разрисованы красной краской, многие головы утыканы белым птичьим пухом, и у каждого – <...> длинное ожерелье из белых зерен вокруг шеи.

При его (Смита) появлении перед королем все издали громкий крик. Королева Аппоматоков поднесла ему воды для омовения рук; чтобы их вытереть, ему дали пучок перьев вместо полотенца. Почтя его так, наилучшим образом, по их варварскому обычаю, они <...> поместили перед Паухатаном два больших камня; затем все, кто только смог ухватиться за него (Смита), подтащили его к камням, положили на них его голову и приготовились размозжить ее своими томагавками. Когда никакая мольба уже не могла помочь, любимая дочь короля Покахонтас обняла его голову руками и положила на нее свою, чтобы спасти его от смерти <...>.

Два дня спустя, – так описывает автор развязку, – Паухатан <...> явился к нему в сопровождении пары сотен человек <...> и сказал, что теперь они друзья, а сейчас он (капитан Смит) должен идти в Джеймстаун и прислать ему два больших ружья и мельничный жернов. Взамен Великий вождь подарил капитану Смигу земли соседнего племени и объявил его своим названным сыном»⁹.

Тот факт, что данный драматический эпизод отсутствует в опубликованном по горячим следам событий «Правдивом описании Виргинии», а также склонность автора к гиперболизации (явное преувеличение срока пребывания Смита в плену, возможное – количество напавших на него дикарей и т.д.) дали некоторым литературным критикам повод утверждать, что вся история о Покахонтас была лишь выдумкой бравого капитана. Но если даже допустить, что они правы, Джон Смит оказывается куда более талантливым писателем, чем полагают обычно, ибо только великий беллетрист мог бы одной лишь силой воображения создать пережившую века проникновенную притчу о любви и единении человеческих рас.

Скорее всего, однако, рассказывая об этом происшествии, капитан Смит не слишком погрешил против истины. Будь история о Покахонтас чистым вымыслом автора, кто-нибудь из его многочисленных (как у каждого удачливого, незаурядного и жесткого человека) недругов непременно опроверг бы ее, но этого не делает даже Джон Рульф, ставший супругом Покахонтас и наверняка знавший истину из первых уст. Отсутствие данного эпизода в первой книге Смита объясняется, очевидно, тем, что капитан осознавал его несоответствие своим пропагандистским задачам: не привлечь, но отпугнуть потенциальных колонистов могла возможность столь опасного приключения.

Наиболее вероятно, что, достаточно правдиво изложив событие, Смит, незнакомый с языком и обычаями аборигенов, превратно его истолковал. За этим эпизодом стоят драматические факты истории освоения Америки – взаимное предубеждение и противостояние народов: белых и «дикарей», или «варваров», как упорно именуется их Джон Смит. Европейские переселенцы заняли исконные земли индейцев и всячески старались раздобыть у них пропитание. Индейцы же пытались заполучить оружие, необходимое им для решения междоусобных конфликтов, которые занимали коренных американцев больше, чем не слишком обременительное поначалу присутствие белого человека. По мере того как последнее становилось все ощутимее, обострялся и конфликт между аборигенами и пришельцами. Теперь индейцы стремились разоружить непрощенных гостей, сделать их беспомощными и с легкостью истребить.

Джон Смит и Великий вождь Паухатан были достойными противниками. Вождь намеревался привлечь опытного и храброго воина к участию в постоянных межплеменных столкновениях, Смит же выполнял поручение Лондонской компании использовать Паухатана как инструмент английской политики в Виргинии. Великий вождь умер в 1618 г. и не увидел той кровавой виргинской

резни, которую устроил его брат и преемник четыре года спустя (1622), стремясь истребить белых.

Что же касается инцидента с прекрасной индейской принцессой, то в контексте реальной истории исчезают основания предполагать, что Покахонтас спасла отважного капитана из любви к нему и что она вообще спасла его от смерти. Современными исследователями культуры коренных американцев установлено, что столь тщательно описанное Смитом ритуальное действие было обрядом не жертвоприношения, но инициации, т.е. посвящения в члены племени. Покахонтас же, очевидно, по велению Паухатана, исполняла в этом ритуале роль «родительницы».

Искреннее заблуждение капитана Джона Смита, послужившее ко благу отечественной словесности, весьма показательны в плане как истинно американской уверенности в себе, так и благородства образа мыслей автора. Этот эпизод с большой наглядностью демонстрирует вообще свойственное Смицу как писателю и как человеку удивительное сочетание цепкого чувства реальности и идеализма, которое станет впоследствии одной из примет американской литературы.

Со временем ведущими жанрами американской литературы XVII в. стали исторические хроники и все формы личного повествования: автобиографии, биографии и дневники, а также оригинальная, сугубо национальная разновидность дневника – повествование об индейском плене, первый образец которого создал Джон Смит.

Примечания

¹ The Harper American Literature / Ed. by D. McQuade. N.Y., 1994. V.1. P.2.

² Ibid. P.3.

³ Ibid. P.9.

⁴ Fiedler L.A. The Return of the Vanishing American. N.Y., 1968. P.123.

⁵ Travels and Works of Captain John Smith / Ed. by E. Arber and A.G. Bradley. Edinburgh, 1910. P. 107

⁶ Ibid. P.207.

⁷ Ibid. P.208.

⁸ Ibid. P.529.

⁹ Ibid. P.532–534.